

ОБРАЗЫ, СЮЖЕТЫ И МОТИВЫ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

УДК 398
ББК 82.3

КОМПОЗИЦИОННО-СЮЖЕТНАЯ ФОРМА ЗАГОВОРА С ЗАЧИНОМ «ВСТАНУ, БЛАГОСЛОВЯСЬ...» В СИБИРСКОЙ ТРАДИЦИИ

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА ЛЕОНОВА

(Омский государственный педагогический университет: Российская Федерация, 644037,
Омск, ул. Партизанская, д. 4а)

***Аннотация.** Заговорная форма с зачином «Встану, благословясь...» относится к числу сложных по строению, имеющих развитое повествование и бытующих в отдельных регионах России. Представляется актуальным с привлечением новых источников продолжить работу по выяснению особенностей проявления названной заговорной формы в сибирской традиции. Фактически речь будет идти о сюжетах с мотивом встречи. Вероятность присоединения к зачину того или иного сюжета обуславливается возможностью реализации в нем мотива встречи. Использование в работе вновь опубликованных текстов сделало более полными представления о сюжетном составе заговоров Сибири. Как показывает анализ текстов, традиция существования заговорной формы с зачином в Омском Прииртышье не менее устойчива и разнообразна по сюжетно-мотивному содержанию, чем в других регионах Западной Сибири. Но она заметно подверглась эволюционным процессам, что обозначилось в изменении системы персонажей, в исчезновении архаичных образов, а также в появлении новых мотивов и сюжетных версий, в обретении заговорами новых функций, в сокращении текстов. На заговорную традицию Омского Прииртышья, безусловно, влияет фактор смешанности населения. Изучение материала одной композиционно-сюжетной формы способствует выявлению общих тенденций развития и своеобразия заговорной традиции региона. В структурном типе заговоров с зачином, с повествованием от первого лица более очевидны особенности традиции, связанные с изменением мировоззрения исполнителей, с восприятием ими в новых условиях эстетики и прагматики жанра.*

***Ключевые слова:** заговор, зачин, указатель, мотив, сибирская традиция.*

Заговорная форма, названная в заголовке статьи, относится к числу сложных по строению, имеющих развитое повествование и бытующих в отдельных регионах России. Она уже была объектом внимания исследователей [Познанский 1917, 77–88; Петров 1981, 130; Кляус 1997, 455–456; Кляус 2000, 85–87, 107, 111, 146–148]. Ими отмечена специфичность формы заговора: наличие у него зачина, сюжетно связанного с повествованием, устойчи-

вость его структуры, включенность в его эпическую часть разнообразных сюжетов, в том числе бытующих самостоятельно и с разным назначением.

К рассматриваемой форме приложимы результаты изучения других жанров, в частности, может быть использован опыт выделения в заклинаниях и молитвах лирической части [Кагаров 1981, 72], хотя она в нашем случае не ограничена одним приемом (сравнением) выражения

желания или приказа заговаривающего. Лирическая часть в заговорной форме — это своеобразная кульминация проявления эмоций знахаря, его убежденности в обязательном исполнении действий, должностующих привести мир, отношения людей, состояние одного человека к благополучию и совершенству.

Лирико-эпическая природа жанра заговора и специфичность его формы с зачином проявляются в том, что повествование здесь ведется от первого лица. Это определяет зыбкость, условность границ между персонажами произведения и реальными лицами, между его художественным временем и пространством и действительными, а также поведение знахаря в художественном мире заговора и завершение всего действия категоричной волевой закрежкой. Кстати, заметим, что в других заговорных формах (без зачина о выходе заговаривающего из дома), в том числе и на основе сюжетов, включаемых в рассматриваемую, иная система персонажей. Не конкретизируя этот и другие вопросы по поводу различия заговорных форм, вернемся к одной из них — с зачином. Прояснив вопрос о ее жанровой специфичности, обратимся к проблемам ее существования в фольклорных традициях разных регионов.

Еще Н. Ф. Познанский, характеризуя заговорные формы и формулы, коснулся вопроса их регионального бытования. В частности, он отметил, что зачин «Встану, благословясь...» «чаще всего встречается в заговорах северной, северо-восточной России» [Познанский 1917, 78]. К настоящему времени структурные типы и сюжетно-мотивный состав русских заговоров с перечнем их публикаций полнее, чем в других источниках, представлены в уже названном указателе [Кляус 1997]. Его составителем высказано мнение, что «построенные таким образом (т.е. по типу рассматриваемой композиционно-сюжетной формы. — Т. Л.) тексты чаще всего встречаются на Русском Севере и в Сибири» [Там же, 455].

На материале указателя, но уже в монографии В. Л. Кляусом дан сравнительный анализ сюжетики заговоров разных языковых групп славян — восточных, южных, западных, а также сюжетики русских заговоров Сибири на общерусском и славянском фоне. Автором выявлены

сюжеты, зафиксированные в Сибири и на Дальнем Востоке — 214 сюжетов в 304 версиях (они даны списком в «Приложении»). Среди них определены сюжеты и версии собственно сибирские по происхождению [Кляус 2000, 143–146], частично выделены сибирские версии со вступлением «Встану, благословясь...» [Там же, 147–148].

В свете разрабатываемой проблематики представляется актуальным с привлечением новых источников продолжить работу по выяснению особенностей проявления названной заговорной формы в сибирской традиции. Сначала сосредоточить внимание на рассмотрении исследуемого материала на сюжетно-мотивном уровне — на выявлении сюжетов, получивших реализацию в эпической части заговорной формы в текстах, записанных в Сибири в разных ее частях — Западной и Восточной. Сравнительный анализ материалов по Западной и Восточной Сибири позволит представить с возможными дополнениями к указателю существование рассматриваемой заговорной формы в Сибири в целом и в ее главных территориально-административных регионах.

Фактически речь будет идти о сюжетах с *мотивом встречи*: выйдя из дома, в пути знахарь встречает других персонажей или прямо следует к месту встречи с главными из них для себя, чтобы обратиться к ним с просьбой, приказом и т.д. Вероятность присоединения к зачину того или иного сюжета обуславливается возможностью реализации в нем мотива встречи.

Необходимо также пояснить целесообразность использования в работе дополнительных к указателю источников текстов заговоров. Дело в том, что в указателе непропорционально представлен материал по Западной и Восточной Сибири. Отсылки на западносибирские тексты даны лишь по единичным источникам, восточносибирские, преимущественно дореволюционные, — по неизмеримо большему их количеству. Такое использование материала в указателе отчасти объяснимо самой историей собирания и изучения заговоров Сибири на разных этапах отечественной фольклористики [Москвина 2005, 14–31].

Уже после выхода из печати указателя благодаря новым изданиям по заговорам

стали более доступными западносибирские тексты дореволюционных публикаций и оказались введенными в научный оборот многие хранящиеся в архивах записи, и таким образом приблизительно уравнились по количеству тексты Западной и Восточной Сибири, используемые нами в работе. Назовем источники, которые дополнили данные указателя. В вышедшем в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» томе «Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры» [Болонев и др. 1997] есть тексты 371 заговора, из них сюжетно-композиционной формы с зачином — 72: 39 западносибирских текстов, 33 восточносибирских (вторые уже учтены указателем). В.П. Федоровой в ее монографии «Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века» [Федорова 2003] опубликовано 56 текстов названной формы. В сборнике В.Н. Бекетовой и М.А. Колмогорцева «Замкну замки замками» [Замки 2001] оказалось 53 подобных текста. «Приложением» к уже названной монографии В.А. Москвиной [Москвина 2005] в научный оборот введено 595 текстов, записанных в Омском Прииртышье, из них 52 — формы с зачином. Выборка данных по этой форме из указателя и выявление соответствующих текстов из названных изданий составила первый этап работы.

Вторым этапом явилась систематизация вновь выявленных текстов рассматриваемой формы по рубрикам указателя, а также по дополнительно названным в данной статье версиям.

Третий этап работы: а) определение сюжетов формы с зачином в восточносибирских текстах с учетом их функционально-тематического значения; б) установление общих для восточносибирской и западносибирской заговорных традиций сюжетов в этой форме; в) выявление

сюжетов в той же форме, зафиксированных только в Западной Сибири¹.

Из выявленных по источникам Восточной Сибири заговоров с зачином примерно к шестидесяти не найдено сходжений с западносибирскими. Не имея возможности здесь перечислить их все, приведем в качестве примеров характерные для Восточной Сибири сюжеты и сюжетные версии из каждой функционально-тематической группы.

Из свадебных заговоров. *Золоторогие звери разбивают свадебный поезд*: [Кляус 1997, 56]; ВС-2. *Заговаривающий ограждает тыном*: [Там же, 311]; ВС-1.

Из лечебных заговоров с образами мифологических существ и животных. *Железный муж поедает болезни*: [Кляус 1997, 74]; ВС-2. *Змей поедает болезни*: [Там же, 76]; ВС-2. *Птицы выдирают, выклевывают болезни*: [Там же, 81, 84]; ВС-2. *Абак-зверь выгоняет болезни*: [Там же, 90]; ВС-1. *Волк поедает болезни*: [Там же, 90]; ВС-1.

Тоже из лечебных заговоров, но с образами Христа, Богородицы, других святых и просто людей. *Христос выбивает болезни*: [Кляус 1997, 107]; ВС-1. *Богородица ножами, ножницами отрезает болезни*: [Там же, 107–108]; ВС-3. *Кузнецы отстреливают болезни*: [Там же, 140]; ВС-1. *Богородица, Христос, другие святые выбивают болезни*: [Там же, 146–147]; ВС-2. *Богородица, Христос, другие святые колют болезни*: [Там же, 155]; ВС-3.

Из промыслово-хозяйственных. *Святые сгоняют зверей*: [Кляус 1997, 267–268]; ВС-3.

Все названные сюжеты и сюжетные версии являются архаичными в репертуаре заговоров Сибири. Все они опубликованы в дореволюционных изданиях. Их отсутствие в более поздних по времени записях, очевидно, является следствием внутрижанровых эволюционных процессов.

Наряду с такими сюжетами и сюжетными версиями в восточносибирских

¹ При подведении результатов по третьему этапу работы, по каждой из групп — а, б, в — учитывались принятые сокращения и следующий порядок приведения данных. Выделяем функционально-тематические группы заговоров курсивом, называем в последовательности по указателю [Кляус 1997] сюжеты, сюжетные версии. Если приводим вновь выявленную версию, то даем ей свое название. Далее называем количество публикаций заговоров с зачином по записям в Восточной или Западной Сибири. Поскольку указатель дает сведения о публикациях по Восточной Сибири (далее — ВС), они повторно не приводятся. По Западной Сибири (далее — ЗС) после указания на количество публикаций называем их источники в хронологической последовательности, в том числе и страницы указателя при наличии там соответствующих данных; при отсутствии таковых следует слово «нет».

текстах обнаружены совпадения с западносибирскими примерно в двадцати случаях, преимущественно среди лечебных заговоров. Видимо, эти сюжетные построения являются общесибирскими. Они отличаются устойчивостью бытования — со времени их фиксации в XIX — начале XX в. и вплоть до наших дней. Приведем результаты разысканий.

Лечебные заговоры. *Зори забирают болезни:* [Кляус 1997, 47]; ВС-2; ЗС-1 [Болонев и др. 1997, № 715]. *Богородица снимает болезни:* [Кляус 1997, 51–52]; ВС-5; ЗС-10 [Там же, 2; Болонев и др. 1997, № 574; Москвина 2005, № 102, 132, 134, 153, 178–179, 182]. *Богородица ризами смахивает болезни:* [Кляус 1997, 59–60]; ВС-1; ЗС-1 [Москвина 2005, № 151]. *Река смывает болезни:* [Кляус 1997, 64]; ВС-3; ЗС-3 [Там же, 64; Болонев и др. 1997, № 516; Федорова 2003, 36]. *Заг <оваривающий> берет воду от болезней:* [Кляус 1997, 67]; ВС-1; ЗС-1 [Москвина 2005, № 472]. *Рыба поедает болезни:* [Кляус 1997, 96–98]; ВС-11; ЗС-1 [Федорова 2003, 60–61]. *Сон Богородицы:* [Кляус 1997, 128]; ВС-1; ЗС-6 [Федорова 2003, 105, 243, 248–249, 272; Москвина 2005, № 534]. *У мёртвых зубы не болят:* [Кляус 1997, 132]; ВС-2, ЗС-2 [Замки 2001, 84; Москвина 2005, 472]. *Святые отстреливают болезни:* [Кляус 1997, 140–141]; ВС-1; ЗС-2 [Там же, 141; Федорова 2003, 186]. *Богородица срывает с птицы перо:* [Кляус 1997, 212]; ВС-2; ЗС-2 [Болонев и др., № 506, 648]. *Богородица зашивает раны:* [Кляус 1997, 284]; ВС-3; ЗС-2 [Федорова 2003, 33; Москвина 2005, № 379]. *Богородица ризами прикладывает:* [Кляус 1997, 298]; ВС-1; ЗС-1 [Москвина 2005, № 152]. *Богородица закрывает ризой:* [Кляус 1997, 320]; ВС-7; ЗС-2 [Федорова 2003, 23; Москвина 2005, № 152].

Любовные заговоры. *Ледяной царь, снег студит человека:* [Кляус 1997, 223]; ВС-1; ЗС-1 [Федорова 2003, 125]. *Ветры берут с людей тоску и вкладывают в человека:* [Кляус 1997, 244]; ВС-2; ЗС-5 [Там же, 244; Болонев и др. 2003, № 495, 501; Федорова 2003, 116; Замки 2001, № 137]. *Черти, дьявол достают тоску и вкладывают в человека:* [Кляус 1997, 246]; ВС-1; ЗС-2 [Замки 2001, № 130; Москвина 2005, № 20]. *Бесы собирают тоску и вкладывают в человека:* [Кляус 1997, 246]; ЗС-1 [Москвина 2005, № 29]. *Огненный змей засушивает человека:* [Кляус 1997, 347];

ВС-1; ЗС-4 [Там же, 347; Болонев и др. 2003, № 487–489].

Из хозяйственно-промысловых. *Святые охраняют стадо:* [Кляус 1997, 324]; ВС-4; ЗС-3 [Там же, 324; Замки 2011, 90–91; Москвина 2005, № 561].

Сюжеты, встречающиеся в разных функционально-тематических группах. *Заг<оваривающий> закрывается тыном:* [Кляус 1997, 317]; ВС-1, свадебный; ЗС-5 [Там же, 317, свадебный; Болонев и др. 1997, № 426, хозяйственный; № 525, свадебный; № 526, свадебный; № 545, лечебный]. *Солнце припекает землю, человека:* [Кляус 1997, 340]; ВС-1, любовный; ЗС-1, хозяйственно-промысловой [Федорова 2003, 92].

Среди текстов второй группы, имеющих сюжетные совпадения в восточносибирских и западносибирских публикациях, есть близкие по действиям персонажей (снимать, смахивать, сваливать, брать болезни) и сходные по сюжетным ситуациям, но различные по персонажам (ветры, черти вкладывают в человека тоску). В этой второй группе имеются тексты с архаичными персонажами (Огненный Змей, Змей Огнет) и мотивом-формулой ограждения железным тыном. Заговоры с мотивом ограждения зафиксированы в разных функциях.

Третью группу составляют сюжеты и сюжетные версии, зафиксированные только в Западной Сибири как в дореволюционный период, так и в наше время. Приведем их.

Лечебные заговоры. *Змея унимает своих детей:* [Кляус 1997] — нет; ЗС-1 [Болонев и др. 1997, № 440]. *Девуцы унимают болезнь:* [Кляус 1997, 51]; ЗС-2 [Федорова 2003, 71, 75–76]. *От камня нет плода, от железа роста:* [Кляус 1997, 339]; ЗС-1 [Болонев и др., № 672].

Промыслово-хозяйственные. *Заг<оваривающий> и старец:* [Кляус 1997, 173]; ЗС-1 [Там же, 173]. *Христос, Богородица и другие святые сгоняют птиц:* [Там же, 268]; ЗС-1 [Там же, 268]. *Заг<оваривающий> идет, ставит ловушки для зверей:* [Там же, 321]; ЗС-2 [Замки 2001, 92, 94]. *Солнце жжет траву:* [Кляус 1997, 341]; ЗС-2 [Там же, 341; Болонев и др., № 381].

Любовные заговоры. *Черти дерутся:* [Кляус 1997, 228]; ЗС-2 [Там же, 228; Болонев и др. 1997, № 519]. *Чёрт и чертовка в лодке:* [Кляус 1997, 228]; ЗС-1

[Замки 2001, № 146]. *Кошка и собака дерутся*: [Кляус 1997, 228]; ЗС-2 [Болонев и др. 1997, № 513; Замки 2001, № 149]. *Лев и львица дерутся*: [Кляус 1997, 229]; ЗС-1 [Федорова 2003, 39]. *Волки дерутся*: [Кляус 1997] — нет; ЗС-1 [Федорова 2003, 124]). *Медведь и медведиха дерутся*: [Кляус 1997] — нет; ЗС-1 [Федорова 2003, 183]. *Мертвецы ненавидят друг друга*: [Кляус 1997] — нет; ЗС-1 [Болонев и др. 1997, № 515]. *Ветры вкладывают тоску в человека*: [Кляус 1997, 243]; ЗС-10 [Там же, 243; Болонев и др. 1997, № 496, 499, 500, 508а; Федорова 2003, 114–117; Замки 2001, № 127, 95–96]. *Ветры снимают с заговаривающего тоску, несут ее человеку*: [Кляус 1997, 244]; ЗС-4 [Там же, 244; Болонев и др. 1997, № 497, 512; Замки 2001, № 134]. *Тоска из-под доски идет в человека*: [Кляус 1997, 274–275]; ЗС-5 [Там же, 274; Болонев и др. 1997, № 504; Федорова 2003, 109; Москвина 2005, № 23, 25]. *Кузнецы куют на человека гири*: [Кляус 1997] — нет; ЗС-1 [Болонев и др. 1997, № 452]. *В печах горят дрова*: [Кляус 1997, 354]; ЗС-2 [Замки 2001, № 126; Москвина 2005, № 39].

Сюжеты и сюжетные версии третьей группы по количеству составляют в общей сложности порядка двадцати. Некоторые зафиксированы, как видно из приведенных данных, в 3–10 вариантах, что позволяет отметить степень распространенности того или иного сюжета, сюжетной ситуации. Примечательно, что ряд версий, выявленных в западносибирских публикациях, не отмечены в указателе. Такие версии обнаружены нами среди любовных заговоров, и они дополняют перечень ранее известных.

Неожиданно мало в публикациях последних лет оказалось лечебных заговоров, зафиксированных только в Западной Сибири, однако по сюжетам они явились новыми в сравнении с уже выявленными. Это редкие по сюжетным ситуациям заговоры, как и вновь опубликованные промысловохозяйственные заговоры Западной Сибири.

Таким образом, использование в работе вновь опубликованных текстов сделало более полными представления о сюжетном составе заговоров Сибири и о сюжетно-мотивном своеобразии их структурной формы с зачином. Этот вывод касается, прежде всего, Западной Сибири, так как в большей мере восполнены пробелы

в публикации именно западносибирских текстов заговоров.

Публикация разного по времени сбора материала открывает перспективы более интенсивного исследования эволюционных процессов в заговорной традиции Сибири. Отдельные стороны этих процессов выявлены при рассмотрении сюжетного содержания структурного типа заговоров с зачином. Сюжетика его эпической части в текстах разной функциональной направленности в Западной Сибири имеет особенности, предопределенные не только местом записи, но и временем ее.

Проведенный анализ сюжеттики заговоров с зачином подтвердил мнение исследователей о Сибири, наряду с Русским Севером, как региона, где чаще, чем в других, встречается названная сюжетно-композиционная форма. Попутно заметим, что в процессе нашей работы неоднократно возникал вопрос о степени схождения включенных в форму сюжетов в текстах Сибири и Русского Севера.

Выявление сюжетных схождения и расхождения в западносибирских и восточносибирских текстах структурного типа с зачином «Встану, благословясь...» позволило предположить наличие подобных и в отдельных локальных традициях, входящих в две сибирские региональные.

Сейчас ограничимся выяснением сюжеттики того же структурного типа заговоров с зачином на материале Омского Прииртышья. Здесь сам зачин устойчив лишь в формуле ухода знахаря из дома. Остальные компоненты (в частности, мотивы умывания и одевания знахаря) или совсем отсутствуют, или фиксируются в различной полноте и последовательности [Леонова 2010].

Сюжеты и мотивы основной части заговорной формы с зачином будут рассмотрены в соответствии с отнесенностью их к той или иной группе заговоров, выделенных нами по функционально-тематическим признакам. Ряд особенностей сюжеттики формы с зачином уже выявлен. Теперь, используя результаты сравнений восточносибирской и западносибирской традиций, вновь обратимся к анализу материала, но лишь местных традиций и только на синхронном уровне — в пределах времени фиксации заговоров в Омском Прииртышье с 1950-х гг. по настоящее время.

Среди омских записей лечебных заговоров не обнаружено текстов с образами мифологических персонажей и олицетворением сил природы. Наиболее архаичные из них связаны с образами рыбы (два текста — [Москвина 2005, № 165, 472]) и змей (один текст — [Москвина 2005, № 423]). Версии сюжета о рыбе ранее фиксировались ([Кляус 1997, 97] — *щука поедает пену и болезни* и [Там же, 98] — *щука уносит болезни*), но только в восточносибирских. Омскому заговору о змеях прямого соответствия в указателе нет, однако в нем [Там же, 38] названы восточносибирские тексты со сходным описанием местоположения змей и с мотивами угроз им со стороны заговаривающего. Таким образом, омские тексты с персонажами из мира животных дополняют указатель данными по Западной Сибири.

Кроме названных трех, в остальных лечебных заговорах центральным образом является Богородица. Здесь она чаще обходится без чьей-либо помощи и участия. Христос в таких текстах сам — объект внимания и заботы Богородицы [Москвина 2005, № 182, 534]. Лишь в четырех текстах обращение с просьбой адресовано наряду с Богородицей и к нему [Там же, № 134, 149, 180, 184]. Из остальных святых называются: *двенадцать апостолов Христовых* [Там же, № 62, 129], *батюшка Лука, Марко, Петр-апостол* [Там же, № 174], *Михаил Архангел* [Там же, № 184], *батюшка святой Николай* [Там же, № 520].

Следует обратить внимание на то, какими способами в зафиксированных в Омском Прииртышье сюжетах Христос, Богородица и другие святые поражают или уничтожают болезни. Обычно они не пользуются, как в восточносибирских до-революционных публикациях, колющими, режущими, рубящими предметами (нож, ножницы, топор и пр.). В омских текстах Христос не *выбивает*, Богородица не *отрезает* и все святые не *выбивают*, не *колют* болезни, кузнецы не *отстреливают* их. Среди общесибирских есть сюжеты о Богородице рассматриваемого типа, где она *снимает*, *смахивает* болезни, *зашивает раны*, *прикладывает* ризы или *закрывает* ими. Наиболее часто встречается сюжет *Богородица снимает болезни* (семь омских текстов)².

За рамками перечней с итоговыми данными оставался ряд омских текстов, к которым не сразу нашлись сходения в указателе В. Л. Кляуса. В этом ряду текстов, например, оказались такие, где Богородица пугает болезни [Москвина 2005, № 183], получает наказ смывать их (— *Смой, сполощи!* — [Там же, № 129, 131, 177]) и не пускать их на человека (— *Не пущай!* — [Там же, № 472]).

Следует также назвать тексты, изображающие Богородицу избавительницей от болезней, но без упоминания о способах их ликвидации. Здесь смысл сюжета заключается в просьбе о помощи страдающего персонажа или знахаря: «Я, раба Божья (имя), пойду к ней поближе, / Поклонюсь пониже: / — Помоги ты мне, Пресвятая Мать Богородица <...> [Там же, № 97]; <...> Подойду к ней поближе, / Поклонюсь пониже: / — Пресвятая Матушка Богородица, помоги ты мне... [Там же, № 106]; — Иисус Христос, / Мать Пресвятая Богородица, / Все святые, / Помогите рабе Божьей Татьяне от сглазу... [Там же, № 149]; — Матушка Пресвятая Богородица, / Помоги, пособи. / Аминь» [Там же, № 469]. Попутно заметим, что тексты Омского Прииртышья редко дают длинные перечни болезней и развернутые закрепки, в отличие, например, от курганских заговоров.

Представилось целесообразным продолжить разыскания с тем, чтобы во всех названных текстах определить заговорные сюжеты или сюжетные версии, дополнить ими уже имеющиеся данные по сюжетному составу рассматриваемого типа заговорной формы. Для этого, не найдя сюжетных соответствий, обратилась к поиску в том же указателе функций персонажей в обеих группах — А и В. Совпадения по действиям персонажей обнаружились, но даже при этом вторичный поиск сюжетов не привел к желаемым результатам. Поэтому всем четырем сюжетам, сюжетным ситуациям ниже даем свои определения, в скобках называя страницу указателя, где имеется приводимое буквенно-цифровое обозначение функций персонажей: *Богородица пугает болезни* [Кляус 1997, 9, А16]; *Богородица смывает болезни* [Там же, 8, А3]; *Богородица не пускает их*

² См. для сравнения вышеприведенные данные в целом по Сибири и отдельно по Западной и Восточной.

на человека [Там же, 9, В7]; *Богородицу молят помочь* [Там же, 8, А8].

Любовные заговоры той же формы в материалах Омского Прииртышья лишены отмеченных в других местах Западной Сибири таких архаических образов, как Огненный Змей и Змей Огнет [Болонев и др. 1997, № 483; Новосибирская, № 490, Кемеровская обл.]; в них редки олицетворения сил природы, характерные для других местных традиций (есть *ветры, вихри и снег* — [Федорова 2003, 116–125, Курганская обл.]; *четыре вихря, вихоря и двенадцать ветров* — [Болонев и др. 1997, № 499–500, Алтайский край]; *двенадцать вихров* — [Там же, № 501, Новосибирская обл.]). Не получил развития в омской традиции и мотив ограждения железным тыном (зафиксирован в Кемеровской обл. как свадебный — [Там же, № 526]).

В омских текстах не ветры и вихри, свойственные западносибирской традиции, а черти [Москвина 2005, № 20] и бесы [Там же, № 29] вкладывают тоску в человека, или желающий присушить его делает это сам [Там же, № 23, 25]. Особо выделяется текст-контаминация [Там же, № 29]. В нем видятся признаки белорусского влияния, что может быть подтверждено данным в указателе перечнем источников сюжетной версии и аннотацией к ней с упоминанием имен бесов [Кляус 1997, 246]. В омском тексте обнаружены соответствующие совпадения. Кроме того, текст № 29 интересен продолжением сюжета — присоединением следующего: *Баба-Яга жжет костры* [Там же, 352–353], зафиксированного ранее только текстами без зачина, к тому же лишь в Архангельской губ. и Белоруссии. Сибирские записи в указателе не значатся.

Также указатель не дает отсылок к сибирским текстам сюжета *В печах горят дрова* [Там же, 354], называя всего два текста — Олонецкой губ. и белорусский. Теперь в нашем распоряжении есть записанные в Западной Сибири [Замки 2001, № 126, Курганская; Москвина 2005, № 39, Омская обл.].

Сюжет *Заговаривающий умывается в огненных ключах* [Кляус 1997, 349]

в Омской обл. зафиксирован в трансформированном виде. Здесь заговаривающая умывается в огненных ключах не для того, чтобы быть *краше солнца*, а чтобы мужа *присушить*:

— *Вы, три ключа жгучи, палючи,
Не жгите сами себя —*

Жгите, палите раба Божья...

[Москвина 2005, № 40].

Как показывает анализ текстов, традиция существования заговорной формы с зачином в Омском Прииртышье не менее устойчива и разнообразна по сюжетно-мотивному содержанию, чем в других регионах Западной Сибири. Но она, может быть, более, чем в некоторых местных традициях, подверглась эволюционным процессам, что обозначилось в изменении системы персонажей, в исчезновении архаичных образов, а также в появлении новых мотивов и сюжетных версий, в обретении заговорами новых функций.

Произошло заметное сокращение текстов: зачина — за счет почти полного исчезновения мотивов умывания и одевания знахаря, основной части — в результате сокращения перечня болезней, описания действий знахаря, его прямой речи в закрепке.

На заговорную традицию Омского Прииртышья, безусловно, влияет фактор смешанности населения. В структурном типе заговоров с зачином на сюжетно-мотивном и образном уровнях заметно взаимодействие разных национальных традиций — русской и белорусской.

Изучение материала одной композиционно-сюжетной формы способствует выявлению общих тенденций развития и своеобразия заговорной традиции региона. В структурном типе заговоров с зачином, с повествованием от первого лица более очевидны особенности традиции, непосредственно связанные с изменением мировоззрения исполнителей, с восприятием ими в новых условиях эстетики и прагматики жанра.

Литература

Болонев и др. 1997 — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск, 1997.

Замки 2001 — Замкну замки замками: Заговорно-заклинательная традиция Шадринского края / Сост. В.Н. Бекетова, М.А. Колмогорцев. Шадринск, 2001.

Кагаров 1981 — Кагаров Е.Г. Словесные элементы обряда / Публ. А.Н. Розова // Из истории

русской советской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. Вып. 2. Л., 1981. С. 66–76.

Кляус 1997 — Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997.

Кляус 2000 — Кляус В. Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. М., 2000.

Леонова 2010 — Леонова Т. Г. Прием ступенчатого расширения образа в структуре фольклорного текста // Народная культура Сибири. Омск, 2010. С. 24–30.

Москвина 2005 — Москвина В. А. Русские заговоры в Западной Сибири (XIX — начало XXI в.). Омск, 2005.

Петров 1981 — Петров В. П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики / Отв. ред. А. А. Горелов. Вып. 2. Л., 1981. С. 77–142.

Познанский 1917 — Познанский Н. Ф. Заговоры. М., 1995. (Репринт издания 1917 г.).

Федорова 2003 — Федорова В. П. Человек и слово в заговорах: Южное Зауралье. Конец XX века. 2-е изд., доп. Курган, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и культурологи Омского государственного педагогического университета: Российская Федерация, 644037, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а; тел.: +7 (3812) 23-12-20

PLOT AND COMPOSITION OF INCANTATIONS WITH “I’LL GET UP BLESSED WITH HOLY CROSS” BEGINNING IN SIBERIAN TRADITION

TAT’YANA LEONOVA

(Omsk State Pedagogical University: 4a, Partizanskaya str., 644037, Omsk, Russian Federation)

Summary. *Incantation form opening with the beginning formula “I’ll get up blessed with Holy Cross...” is complicated in its structure and marked with highly developed narration. It appears in different regions of Russia. It seems necessary to summon new sources in order to continue investigation of manifestations of this beginning formula, which appear in Siberian tradition. Plots with the meeting motif are drawn under consideration in this paper. Expectance of joining certain plot to the given beginning depends on the possibility of meeting motif manifestation in this plot. Usage of recent text editions fills up concept of plot toolkit of incantations of Siberia. Evaluation of texts proves, that there in Omsk region of Irtysh the river’s basin appearance of the charm’s model with the beginning has been steady and rich in motifs and plots to the same extent, as in other regions of the Western Siberia. But it has suffered processes of evolution, that have caused changes of the personage system, vanishing of archaic images, forthcoming of new motifs and plot versions, obtaining of new functions by incantations and reduction of texture. Incantation tradition of Omsk region of Irtysh the river’s basin is affected by ethnic heterogeneity of population. Investigation of the given composition and plot model promotes revealing of general tendencies of development and distinctiveness of the region’s incantation tradition. Structure type of charms opening with the beginning formula, verbalized in the 1st person, make evident those tradition features, which are related with changes in performer’s world-view and their reception of the aesthetics and pragmatics of this genre.*

Key words: *incantation, beginning, index, motif, Siberian tradition.*

References

Beketova V. N., Kolmogortsev M. A. (comp.) (2001) *Zamknu zamki zamkami: Zagovorno-zaklinatel’naya traditsiya Shadrinskogo kraia* [“I’ll lock a padlock with a lock”: Charm and Incantation Tradition of Shadrinsk Region]. Shadrinsk. In Russian.

Bolonev F. F., Mel’nikov M. N., Leonova N. V. (comp.) (1997) *Russkiy kalendar’no-obryadovyy fol’klor Sibiri i Dal’nego Vostoka: Pesni. Zagovory* [Russian Calendar Ritual Folklore of Siberia and the Far East]. Novosibirsk. In Russian.

Fedorova V. P. (2003) *Chelovek i slovo v zagovorakh: Yuzhnoye Zaurale. Konets XX veka* [A Hu-

man and a Word in Incantations: Southern Trans-Urals. End of the 20th Century]. Kurgan. In Russian.

Kagarov E. G. (1981) Slovesnye elementy obryada [Verbal Elements of Rituals. Publ. by A. N. Rozov]. *Iz istorii russkoy sovetskoy fol'kloristiki* [From the History of the Russian Soviet Folklore Studies]. Ed. by A. A. Gorelov. Issue. 2. Leningrad. Pp. 66–76. In Russian.

Klyaus V. L. (1997) Ukazatel' syuzhetov i syuzhetnykh situatsiy zagovornykh tekstov vostochnykh i yuzhnykh slavyan [Index of Plots and Plot Situations in Incantation Texts among Eastern and Southern Slavs]. Moscow. In Russian.

Klyaus V. L. (2000) Syuzhetika zagovornykh tekstov slavyan v sravnitel'nom izuchenii [Plot System of Incantation Texts in Comparative Studies]. Moscow. In Russian.

Leonova T. G. (2010) Priem stupenchatogo rasshireniya obraza v strukture fol'klornogo teksta [Pattern of Stepwise Image Extension in the Structure of Folklore Texts]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Omsk. Pp. 24–30. In Russian.

Moskvina V. A. (2005) Russkie zagovory v Zapadnoy Sibiri (XIX — nachalo XXI v.) [Russian Incantations at Western Siberia (the 19th — the Beginning of the 20th Centuries)]. Omsk. In Russian.

Petrov V. P. (1981) Zagovory [Incantations]. *Iz istorii russkoy sovetskoy fol'kloristiki* [From the History of the Russian Soviet Folklore Studies]. Ed. by A. A. Gorelov. Issue. 2. Leningrad. Pp. 77–142. In Russian.

Poznanskiy N. F. (1995) Zagovory [Incantations]. (Reprinted Edition from 1917). Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Tel.: +7 (3812) 23-12-20

4a, Partizanskaya str., 644037, Omsk, Russian Federation

Full Professor, professor, department of Literature and Culture Studies, Omsk State Pedagogical University
